

УДК 316.34

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.2.2

EDN: AGYSCR

Научная статья

ВОСПРИЯТИЕ БОГАТСТВА В РОССИИ: СТЕРЕОТИПЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Наталия Николаевна Мещерякова¹

Ольга Викторовна Крыштановская²

^{1,2} Российский государственный
гуманитарный университет,

Москва, Россия,

¹ natalia.tib@mail.ru,

ORCID 0000-0001-7658-7993

² olgakrysht@yandex.ru,

ORCID 0000-0001-5278-0940

Для цитирования: Мещерякова Н. Н., Крыштановская О. В. Восприятие богатства в России: стереотипы и реальность // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 2. С. 28–44. DOI 10.19181/snsp.2025.13.2.2. EDN AGYSCR.

Аннотация. В статье проводится анализ мнений трёх поколений россиян о богатстве. Выводы основаны на данных качественного исследования, проведённого методом фокус-групп в 2023 году в семи городах Российской Федерации (21 группа, 205 респондентов). Полученные результаты свидетельствуют о том, что исторический и социальный контексты развития российского общества не способствовали легитимации богатства и его обладателей. Этому помешали прерывистость исторического пути России, глубокие изменения общественного устройства в 1917 и 1991 гг. Современные большие состояния имеют недолгую историю. Общество полагает, что пути их формирования в 90-е гг. XX в. были нечестными и связаны со злоупотреблениями, коррупцией и криминалом. Коллективное сознание отказывается признавать наследование этих состояний легитимным путём приобретения высокого социального статуса. Респонденты полагают, что честный путь к обогащению должен быть связан с исключительным талантом и самоотверженным трудом на благо общества. Однако составляющие богатого образа жизни (качественная платная медицина, заграничные путешествия) привлекают респондентов.

Ключевые слова: богатство, ценности, мобильность, демонетизация, легитимация, Россия

Введение: научная проблема

В центре внимания данной статьи – богатство как социокультурная категория. Представления о нём в обществах различаются и связаны с доминирующими в них ценностями. Мировоззрение и понимание того, что такое сегодня

© Мещерякова Н. Н., 2025

© Крыштановская О. В., 2025

высокий статус, обеспечивает богатству его символическое признание [см.: 1, с. 365–366].

Высокий достаток – одновременно социальный и культурный феномен. В своём первом качестве он участвует в регуляции отношений между людьми, служа атрибутом власти и статуса. В культурном контексте богатство выступает как символ, который эти отношения маркирует. В этой связи возникает вопрос: как россияне относятся к богатству в настоящий момент? Является ли оно абсолютной ценностью и жизненным ориентиром? Или стремление к обогащению не стало для них идеальной целью? Общественное сознание оправдывает любые способы обогащения или выдвигает требования морального свойства, считая одно допустимым, а другое нет? Богатство, полученное по наследству и заработанное собственными усилиями, равным образом приемлемо в сложившейся в нашей стране системе ценностей?

Это важные вопросы, поскольку только те категории, по поводу которых существует консенсус в общественном мнении, становятся нормами. А норма помогает членам общества планировать собственную карьеру, признавать чужие заслуги, обеспечивает социальный порядок. Отсутствие консенсуса, напротив, разрушает капитал социального доверия между группами, провоцирует апатию, аномию, нигилизм. Это может вести как к моральному эскапизму – отчуждению, так и к физическому – эмиграции.

История России, как и история любой другой страны, имеет свои уникальные особенности, которые создают контекст формирования ценностных представлений. Промышленный переворот до революции 1917 года так и не был завершён, Россия оставалась по преимуществу аграрной страной, буржуазия не имела полноценного представительства во власти. Нацеленные на демократические реформы государственные думы 1-го и 2-го созыва были распущены императором. Фигура «владельца заводов, газет, пароходов» не успела получить общественного признания, а после октябрьского переворота 1917 года была осмеяна и клеймена советской идеологией. Быть богатым стало стыдно и опасно. Возникли эвфемизмы категории «богач» с негативной коннотацией: «нэпмены», «спекулянты», «толстосумы», а позднее – «фарцовщики» и «цеховики». Такого рода персонажи хотя и появлялись в советском информационном пространстве, но исключительно как герои фельетонов и карикатур. Всё это парадоксальным образом сочеталось с номенклатурными распределителями, дачами, пайками, привилегиями. Владеть этим было нельзя, но можно было пользоваться и наслаждаться жизнью. Условием пользования было занятие определённого статуса, подразумевающего безусловную и активную лояльность режиму. В случае «утраты доверия» все привилегии отбирались.

После разрушения СССР общество раскололось: что считать правильным, а что неправильным? Что есть норма, а что девиация? Единства больше не было [2]. На просторах страны удивительно быстро образовалась социальная общность «новые русские», которая воспринималась населением одновременно как угроза и как зарождающийся образец «умения жить». С одной стороны,

«новые русские» приобрели комичные черты фольклорного Иванушки-дурачка со своими золотыми цепями, малиновыми пиджаками и фантастическим невежеством, с другой стороны, в обществе курсировали слухи о том, что бывшие «красные директора», партийные и комсомольские аппаратчики косплеят стиль заморских «бобо» (сплав богемы и буржуа, как они его понимали) [3, с. 33]. Перераспределение в их пользу совокупности общественных благ не воспринималось людьми как легитимное, а само богатство ещё предстояло «отмыть» [4]. Но после распада СССР прошло более 30 лет, «богатые и знаменитые» первого поколения приобрели респектабельность (те, которые выжили в горниле 90-х), их дети выросли, и теперь остро встал вопрос передачи достигнутого статуса по наследству. Другими словами, им необходимо стало «упрочить социальные позиции и легитимировать себя и своё потомство» [5, с. 25], поскольку начался процесс воспроизводства высшего класса.

В силу особенностей социального и исторического контекста в России не сформировалось представление о богатстве как символе и атрибуте личного успеха, связанного с честной и созидательной деятельностью. За более чем 30 лет развития рыночной экономики у нашего населения сохранилось отношение к богатству как к чему-то не вполне легальному, социально не оправданному, сомнительному. Сложился парадокс: для многих россиян богатство стало целью, но не ценностью. Эту гипотезу мы и попытались проверить в нашем исследовании.

Методология: исследованность вопроса

Богатство как социальная категория стало предметом изучения в конце XIX в. Плеяда блестящих авторов: Т. Веблен, М. Вебер, М. Мосс, Й. Хёйзинга, на чьих работах мы остановимся, тому примеры. Т. Веблен первым заговорил не об экономическом, а о символическом смысле богатства, разрабатывая теорию «праздного класса» [6]. Новые богатые, не имеющие аристократического происхождения, пытались произвести впечатление на остальных членов общества, подражая «праздному классу». Они тратили время на благородный досуг, а не на приумножение своих состояний посредством экономической деятельности. Т. Веблен также описал, как впоследствии культурные образцы распространяются на представителей более широких и менее богатых социальных групп, которые также стремятся подражать классу досуга.

В этот же исторический период существовал иной культурный код, связанный с протестантизмом, всесторонне рассмотренным М. Вебером в концепции протестантской этики [7]. Система представлений осуждала чрезмерное расточительство и показную роскошь, вместо этого поощряла трудолюбие, инвестиции и благотворительность. С точки зрения автора, это способствовало наиболее бурному развитию капитализма именно в обществах, затронутых религиозной реформацией. Но, если рассматривать социальную и историческую динамику, гедонизм оказывается более привлекательным, чем аскетизм,

несмотря на наличие отдельных индивидуальных исключений в среде высших общественных страт.

Смысл показной роскоши, которую Й. Хёйзинга изучал на примере феодальной аристократии [8], а Т. Веблен [6] – на примере нуворишей, в демонстрации избранности и своего качественного отличия от других социальных групп. Культура определяет способы и формы, в которых эта потребность удовлетворяется легитимным образом. В истории имели место уникальные варианты её реализации, примером может выступать такой социокультурный феномен, как дар («потлач»), существовавший у североамериканских индейцев. Он вёл к разорению дарителя, но укреплял его социальный статус. Одним из первых «культуру дарения» на примере потлача осмыслил Марсель Мосс [9]. Обмен дарами конституирует не только договорные обязательства, но авторитет и власть, которые дарителю обеспечивает акт дара. Таким образом, показывать свою избранность можно не только накапливая ресурсы, но и демонстративно разоряясь. Обмен дарами в реалиях советского строя изучал Симон Кордонский. Он назвал пространство, специально созданное для таких обменных операций между людьми, обладающими ресурсами, «административным рынком» [10].

Почему именно богатство в экономиках, построенных на эквивалентном обмене материальными благами, стало ценностью, раскрывает П. Бурдьё. Он доказывает, что экономическая, социальная и культурная формы капитала тесно взаимосвязаны и могут быть конвертированы друг в друга [11]. Обладая достатком, легче построить связи и следовать доминирующим формам культурного поведения. Он ценен именно потому, что даёт доступ к иным благам и является символом власти и успеха. Но с ним связаны и определённые обременения. Традицию рассматривать богатство как своего рода ношу также заложил Т. Веблен, исследуя «обременительное потребление материальных благ» [6, с. 105]. Понимая, что состоятельные люди – мишень для зависти, недоброжелательства и различных посягательств, отказываться от средств никто не спешит. Но признавая, что богатым не может стать каждый, многие задаются вопросом: так ли оно нужно? А что нужно? К чему стремится общество сегодня?

В российской социологии верхние страты общества до сих пор остаются недостаточно изученными. Эти группы являются неприступными, доступ исследователей к ним затруднён. Свидетельством неразвитости методологии и теоретической базы может быть то, что в российской социологии не проанализировано соотношение высшего класса и богатых, как это делают, например, Д. Гилберт, Л. Бигли для американского общества [12; 13]. Хотя есть оригинальная концепция С. Кордонского с соавторами, которые выстраивают сложные отношения взаимного обеспечения и обслуживания между сословиями, стараясь одновременно учесть и объективные признаки их расположения относительно друг друга и сложившиеся мифологемы о социальной иерархии [14]. Мы также подходили к этой теме в прошлые годы [4; 15].

Количественные исследования социальной структуры российского общества, в которой выделяются верхние, средние и нижние слои, проводят

в Институте социологии ФНИСЦ РАН. В 2004 году под редакцией М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой вышла монография «Россия – новая реальность. Богатые. Бедные. Средний класс». В ней не только были определены подходы к стратификации, рассчитаны приблизительные доли численности основных страт общества, но и представлено субъективное отношение россиян к богатству, бедности и носителям этих признаков. В частности, в исследовании выявлены различия, зачастую значительные, в оценках представителей разных слоев по вопросам возможности достичь материального благосостояния честным путём [16, с. 15]. Прошло ещё два десятилетия. Как изменились представления россиян о богатстве покажем на материалах качественного исследования.

Дифференциация богатства. Согласно теории языковой относительности Б. Уорфа, язык, на котором человек говорит, влияет на его мышление, восприятие и осознание окружающей действительности. Он не только отражает реальность, но и формирует её, определяя наше понимание мира, в том числе может ограничивать его [17]. В западной социологии сложилась длительная традиция изучения страты богатых людей и развитая терминология для обозначения различных градаций, связанных с источниками и размером их благосостояния. «Состоятельные» (*affluent*) имеют доход, подчас очень высокий, который напрямую связан с выполнением профессиональных обязанностей. К ним относятся: адвокаты, профессора университетов, врачи и другие специалисты высокой квалификации. Богатые же рассчитывают на свои активы: акции компаний, котирующихся на бирже, свободную от долгов недвижимость. Но «*rich*» стали богатыми, благодаря умелым инвестициям, а «*wealthy*» – это, в большей степени, старая землевладельческая аристократия¹.

Миллионерами (*millionaires*) называют тех, чья чистая стоимость (*net worth*) или богатство (*wealth*) превышает один миллион денежных единиц, но они не равны в социально-экономическом смысле и аналитически различимы с теми, у кого их 10 (*deca-millionaires*), сто (*centi-millionaires*) и тем более миллиардерами (*billionaires*).

Наличие развитой лексики в языке многое говорит социологу. Понятия вводятся в язык тогда, когда они необходимы для обозначения какого-то нового явления. В России мы видим достаточно аскетичный набор категорий, которыми люди обозначают состоятельных россиян: богач, миллионер, олигарх. Иногда слово «*предприниматель*» или «*бизнесмен*» используется как прямой синоним богачу.

Неопределённость отношения к богатству и богатым в сознании общества и слабость понятийного аппарата в российской социологии могут рассматриваться как взаимосвязанные явления. Как мы уже отмечали, особенности нашей истории разделили общество на «социалистов» и «капиталистов». Первые остаются носителями советских уравнивательных паттернов, вторые тяготеют

¹ Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/opulent#:~:text=rich%2C%20wealthy%2C%20affluent%2C%20opulent,property%20and%20intrinsically%20valuable%20things> (дата обращения: 10.03.2025).

к объяснительным моделям на основе ценности успеха и накопления ресурсов. Когда национальная культура не предлагает ценностно-нормативного обоснования материальному успеху, обыватель склонен ссылаться на генетическую предрасположенность или на туманное «умение жить», а также апеллировать к «божьей помощи», как показала в своём исследовании, построенном на интервью «безумно богатых» россиян, Э. Шимпфёссл [5, с. 147–148].

Эмпирическая база и результаты исследования

В 2023–24 гг. в рамках проекта «Легитимация социальной стратификации в России», выполненного сотрудниками Центра цифровой социологии РГГУ под руководством О. В. Крыштановской, была проведена 21 фокус-группа в семи крупных городах Российской Федерации (Москва, Санкт-Петербург, Ульяновск, Волгоград, Тула, Новосибирск, Томск), представляющих пять федеральных округов – Центральный, Приволжский, Сибирский, Северо-Западный и Южный. Всего было опрошено 205 человек (70 молодёжи до 30 лет, 67 представителей среднего поколения и 68 – старшего). Предметом исследования являлись представления населения о социальной структуре общества, оценка своего места в ней, критерии разделения социума на страты, а также оценка справедливости сложившегося порядка жизни в сознании респондентов. В том числе изучалось и отношение россиян к представителям высшего класса, к богатым и богатству.

Честны ли богатые? Наше исследование показало, что отношение россиян к богатым и богатству двойственное. С одной стороны, они признают, что социальное равенство практически недостижимо. Тот, кто больше трудится или обладает исключительным талантом, имеет право на значительно больший доход, чем остальные. Но с другой, они подозревают состоятельных соотечественников в нечестности, коррумпированности, использовании служебного положения в личных целях, упрекают в высокой скорости обогащения (что само по себе подозрительно). Такое отношение не позволяет принимать аристократический принцип наследования статуса как социальную норму. Поколение «джуниоров» или «непо-дети» (*nepo babies*)¹ у россиян не в чести [18, с. 184–185]. Н. Е. Тихонова по итогам исследований также отмечает, что российское общество в своих ожиданиях сделало крен в сторону общества социальной однородности, хотя ранее, в начале 2000-х, допускало глубокую дифференциацию [19, с. 27].

На вопрос «Могут ли богатые быть честными?» из 205 участников наших фокус-групп однозначно «да» ответили около трети респондентов, остальные высказали большие сомнения в том, что это возможно. Негативный настрой в ответах объясняется *«пропастью между богатыми и бедными»*,

¹ *Nepo baby*, сокращение от *nepotism baby*, – это термин, обозначающий человека, чья карьера похожа или связана с карьерой, в которой преуспели его родители. Подразумевается, что ребёнок мог использовать эти связи для достижения собственного успеха.

«несправедливым распределением доходов в обществе», «коррупцией», «слишком большой ролью связей и блата», «несправедливостью судов», «отсутствием равенства перед законом». Респонденты говорят, что «бедных слишком много», «социально-уязвимые слои населения не защищены», подразумевая, что сначала надо решить насущные проблемы общества, а потом можно будет подумать о личном благополучии.

Когда участников фокус-групп спросили, какими они хотели бы видеть представителей высших слоёв общества, то ответы строились вокруг двух критериев: морального и профессионального. С одной стороны, от тех, кто претендует на высокий статус, ожидают интеллигентности, порядочности, честности, они должны быть носителями культуры и «*быть примером для молодых*». В то же время опрошенные хотели бы видеть на вершине общества «*специалистов высокого класса*», «*профессионалов своего дела*», которые «*трудятся на благо общества*», «*принимают важные стратегические решения*» и занимаются благотворительностью. В общественном сознании россиян нет понимания реальной структуры общества в целом и того, на каких основаниях она строится. Респонденты теоретически готовы говорить о бедности и богатстве, но когда дело касается самоопределения, в их системе координат находится лишь один островок стабильности – «средний класс», который сегодня практически поглотил всех работающих и почти сравнялся с советским понятием «*трудящиеся*».

Неисполнение ожиданий общества представителями верхов ведёт к их стигматизации в коллективном сознании. Между тем, отсутствие легитимного высшего класса мешает принятию заслуг людей, выполняющих профессиональную работу. Их высокие доходы не воспринимаются как справедливые. Л. Болтански и Л. Тевено в своей работе «Критика и обоснование справедливости» предупреждают: отсутствие «согласованности действий и обоснования распределения состояний», «шкалы значимости благ, связанных с этими положениями», «возможности доступа людей ко всем состояниям» «может обернуться полным расколом общества, утратой связи между группами людей разных состояний» [20, с. 129–130].

Выводы о существующих в российском обществе противоречиях подкрепляются результатами всероссийских опросов. По данным социологического мониторинга, проводимого ИСПИ ФНИСЦ РАН, наиболее сильный конфликт на 2024 год отмечался между «богатыми и бедными» (так считали 59% респондентов), «низшими и высшими классами» (53%) ¹. Доля тех, кто считает, что власть выражает и защищает интересы богатых по-прежнему выше по сравнению с долей считающих, что наше государство носит социальный характер (хотя в 2000 году уровень неравенства фиксировался ещё более остро ²). Неуклонно уменьшается доля тех, кто согласен с выражением «сколько

¹ Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. С. 31.

² Там же. С. 15.

ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь». В 2024 году она составила 39%, в то время как на пике в 1994 году достигала 70%, а последнее десятилетие держалась около 50% ¹. Тем не менее, 39% россиян испытывают, по мнению социологов, социальный пессимизм. Из своих основных обязанностей государство, по мнению респондентов, хуже всего справляется с обеспечением достойной жизни и всестороннего развития граждан (так считает 43% ²).

Кто богат и кто достоин богатства? В нашем исследовании обнаружился странный парадокс: на вопрос «кто относится к верхним стратам российского общества?» более половины опрошенных называли категории политиков и предпринимателей: «госслужащие», «депутаты», «чиновники», «бизнесмены», «олигархи» и проч. На вопрос, кто, по их мнению, должен располагаться наверху социальной пирамиды, называли «врачей» (более двух третей выборов), «учителей», «учёных», «военных», «спасателей». Это говорит о том, что россияне не считают справедливой ситуацию, когда высшие позиции заполнены исключительно людьми из политической и финансовой сферы, в то время как представители «благородных» профессий остаются недостаточно оценёнными. Этот же вывод подтверждается и нашими исследованиями о «народной элите»: те, кто оказался наверху – не настоящая элита, считает большинство респондентов. Те же, кто составляет «гордость нации», в элиту пробиться не могут, хотя их заслуги признаны как страной, так часто и международной общественностью.

Демонетизация богатства. В ходе нашего исследования был задан вопрос о том, кого именно респонденты относят к богатым людям. Если в исследовании 2013 года мы получали ответы на аналогичный вопрос, выраженный почти исключительно в деньгах, то сегодня ситуация изменилась. Ответы примерно трети опрошенных касались и сегодня размеров дохода (назывались различные суммы зарплаты или состояния), но была обнаружена и существенная разница. Теперь почти вдвое увеличилась доля тех, кто связывает богатство с наличием квартиры в центре города или недвижимостью за границей, возможностью обучать детей в лучших школах и университетах Запада, частыми путешествиями по миру и проч. Можно сказать, что это подобно тому, как общество в одном периоде развития ставит на первый план показатели уровня жизни, а на другом – показатели качества жизни, объединённые категорией «человеческий капитал».

Монетарную и немонетарную формы неравенства изучает в своих работах С. В. Мареева. Второй тип связан с теми или иными жизненными возможностями или рисками, которые, по признанию автора, сложнее для оценки и мониторинга, чем измерение уровня доходов, но они гораздо более полно и комплексно характеризуют жизнь населения [21, с. 4–5].

Мобильность и свобода. Одним из существенных отличий наших исследований 2013 и 2023–2024 гг. стала фиксация той роли, которую начала играть

¹ Там же. С. 27

² Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. С. 42.

географическая мобильность в определении статуса человека. Сегодня можно уверенно говорить, что признаком богатства стала возможность перемещаться по миру. Характеризуя образ жизни состоятельных людей, респонденты прежде всего отмечали лёгкость мобильности: *«могут уехать из страны», «могут по несколько месяцев путешествовать», «купили виллу у моря и теперь живут то там, то тут»*. В ходе фокус-групп внимание участников было сосредоточено на возможностях состоятельных людей совершать поездки за границу и особенно к морю. Море стало культовым объектом, приближение и соприкосновение с которым стало очевидным признаком достойного уровня жизни. Чем больше времени ты можешь проводить у моря, тем лучше свои дела, а если ты изменил свою локацию на постоянное проживание у моря, то ты точно богат и успешен.

Россияне видят в геомобильности признак праздности, не думая о том, что многие бизнесмены и политики путешествуют по делам и много работают в поездках. Их видение богатого образа жизни связано с перемещениями в пространстве без утилитарной цели, ради удовольствия. Наблюдение за окружающим миром, расширение кругозора, знакомство с новыми людьми, диковинной кухней и культурой, сама смена обстановки – это маркеры высокого качества жизни в наши дни. Владимир (21) из Москвы говорит: *«Я бы назвал богатыми тех людей, которые могут себе позволить практически всё, что они хотят – путешествия на несколько месяцев, не работать, но при этом иметь хороший доход»*. Антон (43) из Волгограда с горечью говорит о своей маме, которая *«проработав всю жизнь, так и не заработала на то, чтобы поехать к морю»*. Для Татьяны (52) из Томска главный параметр определения социального статуса человека – это длительность и место его отдыха: *«Раньше мы знали, что средний человек может раз в году съездить на море. А сегодня это не так. Поэтому нет, наше общество не справедливо»*.

Для россиян возможность путешествовать является не просто атрибутом благополучной жизни, но признаком несправедливости и даже посягательства на свободу, что провоцирует недовольство. Если обязанность государства заботиться о здоровье граждан последние рассматривают как составляющую общественного договора, право от рождения [2], то возможность путешествовать обеспечивается честным трудом. Респонденты подчёркивают, что ежегодный отдых должен быть доступен среднему классу, поскольку они этого заслуживают. Хотя аргументы различаются, в двух ключевых аспектах мнения совпадают. Здоровье считается ценностью, «его не купишь», а путешествие значимо, потому что связано с другой важной ценностью – свободой.

В русской культуре достаток не освящён религиозной санкцией, как в протестантизме, не узаконен отсылкой к отцам-основателям или концепцией *self-made-man*, но преимущества, которые он даёт – свобода, возможность обеспечить сохранность здоровья – безусловно, ценны. Поэтому в общественном сознании происходит рационализация некоторых его атрибутов в неденежной форме. Её можно представить следующим образом: *«Я хочу пользоваться этой возможностью, например, получать качественное медицинское обслуживание*

или иметь полноценный отдых на море. У меня нет достаточного количества денег платить за это. Но я имею на это право, потому что я порядочный человек и честно тружусь. Я не прошу ничего сверх меры. И если это общество справедливо, оно должно предоставить мне это бесплатно. Ведь в СССР так и было», – добавляют те, кто постарше.

Мобилитет и праздность. Значение мобильности в символической структуре современного общества изучал британский социолог Джон Урри. Он разработал концепцию, которая подразумевает, что признаком власти и статуса сегодня является именно подвижность. Разного рода мобильности (средства передвижения, связи, визы и проч.) составляют основу «сетевого капитала», который, по мнению автора, фундирует стратификацию современного общества [22, с. 361–362]. Лёгкость мобильности, наличие поддерживающих связей в различных уголках мира, наличие разрешительных документов (паспортов и виз) определяет «кинетическую элиту», обособляет её от более медленной, менее мобильной массы, «сете-обделённых» (network-deprived) [22, с. 383]. Урри отмечает, что 300 богатейших семей планеты – самые мобильные. Это позволяет автору сделать вывод, что модель сетевых отношений носит аристократический характер [22, с. 393].

Дин Макканелл в работе «Турист. Новая теория праздного класса» также подчёркивает значимость фактора мобильности в стратификации. Приняв общий тезис Т. Веблена о том, что свободное времяпрепровождение отражает социальную структуру, он ищет более глубокие основания, которые бы сделали классовую стратификацию современного общества понятнее. Если раньше религия и работа служили основой для идентичности и смысла, то теперь идентичность и цель жизни всё чаще ищут в досуге. Автор назвал осмотр достопримечательностей ритуалом, совершаемым ради дифференциации общества [23, с. 13].

В исторической ретроспективе движение всегда было связано с неравенством. В ранние эпохи, если путешественник был неспособен обеспечить сопровождение из вооружённых слуг, лучше было не выходить из дома, это было опасно. Мобильность сочеталась с праздностью, хотя каузальных отношений между ними не было. «Фланёр был богатым мужчиной», – пишет Дж. Урри [22, с. 168]. По мере расширения возможностей путешествовать, появлялись всё более эксклюзивные пакеты услуг, чтобы отделить избранных от остальных [22, с. 231].

В мировом сообществе сложилась особая социальная общность – мобилитет [24], чьи перемещения по разным странам связаны как с деловыми целями, так и с рекреацией. Но наши респонденты в своих рассуждениях о богатстве видят только одну сторону медали – праздность. Трудовое происхождение большого состояния для них не очевидно. Причиной интенсивных перемещений мобилитета россияне, далёкие от высшего класса, считают вовсе не дела, а безделье. «Поехал к морю», чтобы отдохнуть, это же очевидно. Только простаки ездят «в командировки», богачи наслаждаются жизнью там, где тепло. Трудовое происхождение капитала остаётся по-прежнему далёким для людей, социальная дистанция которых от высших страт общества велика.

Контроль мобильности. К концу 2018 года китайские суды 17,5 млн раз запрещали дискредитировавшим себя в рамках системы «социального кредитования» гражданам покупать авиабилеты и 5,5 млн раз оплачивать проезд на поезде. Правонарушения могли быть разными: от неуплаты налогов до приёма наркотиков. Цель государства заключается в том, чтобы «позволить благонадёжным людям бродить повсюду под небесами, а дискредитированным – не делать ни шагу» [25]. В России такая логика вполне проникла в общественное сознание и воспринимается как оправданная. Мобильность стала столь знаковым явлением, что лишение возможности совершать её воспринимается действенной санкцией в ряду инструментов социального контроля. Российские власти в разные исторические периоды использовали этот инструмент контроля. Николай I, как известно, не любил «посылки за границу», поскольку молодые люди возвращаются оттуда с духом критики [26, с. 348]. Советская элита использовала «железный занавес», сохранив за собой монопольное право разрешать выезд и как поощрительную меру, и как репрессивную («философский пароход», выдворение диссидентов).

Именно запреты делали свободу перемещений столь манящей. Поэтому в современной истории России одним из символов независимости стала возможность передвижения по миру. Пределами этой свободы теперь стали материальные ресурсы, поэтому недостаток средств может рассматриваться как невозможность обрести автономность. Мобильность теперь воспринимается государством как привилегия для состоятельных и благо граждан.

У мобильности есть большие шансы остаться статусной привилегией, ограниченно распространяющейся на более низкие социальные слои в своих квазиформах (один раз в год на море), из-за дефицита ресурсов, как полагает Дж. Урри [22, с. 62]. Он связывает это с вредом, который она несёт для экологии, протестами местных жителей (как в Испании в 2024 году), угрозами распространения эпидемий и проч. У россиян в силу исторического и социального контекста путешествия сегодня рассматриваются не просто как признак материального достатка, но и как символ достойного независимого существования, на которое трудящийся человек имеет право.

«Туман богатства» (заключение)

Ценности общества, которые складываются исторически, имеют безусловную легитимирующую силу. Но богатство само по себе, если оно не сопряжено со служением на благо общества, значительными усилиями, которые потрачены на получение образования и развитие компетенций, если оно не обеспечивается самоотверженным трудом или исключительным талантом, общественным сознанием в России не легитимируется.

Россияне сохраняют предубеждённое отношение к богатству и богатым. Значимой причиной этого является фактор времени. Ещё Э. Дюркгейм писал, что он играет важную роль в утверждении общественных структур. Социальные

нормы, институты и власти получают свою легитимность оттого, что они коренятся в прошлом и передаются из поколения в поколение [27, с. 42–43]. В России нет состояний со сколько-нибудь длительной историей. Способы, которыми они формировались в 90-е гг. XX в., и временной интервал в 30–35 лет сформировали у россиян прочную связь понятий «несправедливость» и «злоупотребления». Высокая социальная поляризация, существующая в обществе, не даёт ей сгладиться.

Но образ жизни, который богатство может обеспечить, является для граждан привлекательным. Говоря о его составляющих (путешествия, платная медицина и др.), они апеллируют к ценности свободы, честного труда, возможности познать мир, познать свою идентичность через сравнение. Жить, работать и существовать в движении, свобода выбора и саморазвитие являются важными ориентирами современного человека. Факторы, повлиявшие на демонетизацию представлений о богатстве, находятся как на уровне национального сознания, не нашедшего ему «оправдания», так и на уровне глобальной культуры, которая через интернет, блоги путешественников создаёт новую мифологию о «свободе воли» избранных.

Наше исследование показало, что, несмотря на развитие представлений о богатых и богатстве у россиян, сохраняется высокая степень затуманенности представлений о жизни высших страт. И чем больше социальная дистанция, отделяющая респондента от «верхов», тем больше этот «туман богатства», тем более мифологизировано сознание, тем в большей степени богатство лишено трудового фундамента. Красивый мираж о прекрасных виллах у моря, праздном образе жизни, неограниченной свободе воли не способствует формированию достижительной мотивации, и, следовательно, тормозит развитие общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / П. Бурдьё ; [ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пуло, М.-К. Ривьер] ; пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнарёвой ; предисл. А. Бикбова. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 720 с. ISBN 978-5-7749-1191-2.
2. Мещерякова Н. Н. Особенности аномии в современном российском обществе: синергетический подход : автореф. дис. ...д-ра социол. наук : 22.00.01 / Мещерякова Наталия Николаевна ; Московский государственный институт международных отношений (университет). Москва, 2015. 46 с. EDN [WGAHVX](#).
3. Крыштановская О. В. Бывшие. Тенденции нисходящей мобильности российской элиты // Общественные науки и современность. 2003. № 5. С. 33–39. EDN [OOQQBD](#).
4. Kryshtanovskaya O., White S. The formation of Russia's network directorate // Russia as a Network State: What Works in Russia When State Institutions Do Not? London : Palgrave Macmillan, 2011. P. 19–38. DOI [10.1057/9780230306707_2](#). EDN [YVFOXH](#).
5. Шимпфёсслъ Э. Безумно богатые русские. От олигархов к новой буржуазии / Э. Шимпфёсслъ ; пер. с англ. И. Евстигнеева. М. : Individuum, 2022. 352 с. ISBN 978-5-6048006-6-9.

6. Веблен Т. Теория праздного класса / Т. Веблен ; пер. с англ. В. Желнинов. М. : ООО «Издательство АСТ», 2021. 384 с. ISBN 978-5-17-135295-0.
7. Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер ; сост. Ю. Н. Давыдов ; 4-е изд. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с. ISBN 978-5-98712-801-5.
8. Хейзинга Й. Осень средневековья / Й. Хейзинга ; сост., предисл. и пер. [с нидерл.] Д. В. Сильвестрова ; коммент. и указ. Д. Э. Харитоновича. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 786 с. ISBN 978-5-89059-166-1. EDN [QPUPVH](#).
9. Мосс М. Опыт о даре // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / М. Мосс ; сост., пер. с фр., вступит. статья, комментарии А. Б. Гофмана. М. : КДУ, 2011. С. 134–286.
10. Кордонский С. Г. Рынки власти. Административные рынки СССР и России / С. Кордонский ; 2-е изд. М. : ОГИ, 2006. 238 с. ISBN 5-94282-359-6. EDN [QWYOPN](#).
11. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдьё ; пер. В. И. Иванова // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 137–150.
12. Beeghley L. The Structure of Social Stratification in the United States. 5-th ed. NY : Routledge, 2016. 320 p. DOI [10.4324/9781315662664](#).
13. Gilbert D. The American Class Structure in an Age of Growing Inequality. 6-th ed. Wadsworth Publishing, 2002. 336 p.
14. Кордонский С. Г., Дехант Д. К., Моляренко О. А. Сословные компоненты социальной структуры России: гипотетико-дедуктивный анализ и попытка моделирования // Мир России. Социология. Этнология. 2012. Т. 21, № 2. С. 62–102. EDN [PBNLOZ](#).
15. Kryshтанovskaya O. Rich and Poor in Post-Communist Russia // The Journal of Communist Studies and Transition Politics. 1994. Vol. 10, № 1. P. 3–24. DOI [10.1080/13523279408415244](#).
16. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / М. К. Горшков, А. Л. Андреев, Л. Г. Бызов [и др.] ; под. ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Наука, 2004. 259 с. ISBN 5-02-032849-9. EDN [NGCBZZ](#).
17. Whorf B. L. Language, Thought and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf / B. L. Whorf ; ed. John B. Carroll. Publisher : The MIT Press, 1964. 278 p.
18. Крыштановская О. В., Мещерякова Н. Н. Богатые, бедные и справедливое неравенство // Полития. 2024. № 3 (114). С. 172–190. DOI [10.30570/2078-5089-2024-114-3-172-190](#). EDN [KJRJRJ](#).
19. Тихонова Н. Е. Модель субъективной стратификации российского общества и её динамика // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018. № 1-2 (126). С. 17–29. DOI [10.24411/2070-5107-2018-00001](#). EDN [MFFBON](#).
20. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Л. Болтански, Л. Тевено ; пер. с фр. О. В. Ковеневой ; науч. ред. перевода Н. Е. Колосов. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 576 с. ISBN 978-5-4448-0079-9.
21. Мареева С. В. Неравенство в российском обществе в монетарном и немонетарном измерении: динамика последнего десятилетия // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 3–16. DOI [10.31857/S0132162524090012](#). EDN [QXFCVB](#).
22. Урри Дж. Мобильности / Дж. Урри ; пер. с англ. А. В. Лазарева ; вступ. статья Н. А. Харламова. М. : Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. 576 с. ISBN 978-5-901574-98-0.
23. MacCannell D. The tourist: a new theory of the leisure class. New York : Schocken Books Inc., 1976. 214 p.
24. Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. Chichester : John Wiley, 1997. 256 p.

25. Kuo L. China bans 23m from buying travel tickets as part of «social credit» system // The Guardian : сайт. 01.03.2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/01/china-bans-23m-discredited-citizens-from-buying-travel-tickets-social-credit-system> (дата обращения: 10.01.2025).
26. Романов П. В. Россия и Запад на качелях истории. В 4 томах. Т. 2: От декабристов до большевиков. М. : Амфора, 2010. 541 с. ISBN 978-5-367-01252-1.
27. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М. : Элементарные формы, 2018. 808 с. ISBN 978-5-9500244-3-6.

Сведения об авторах

Н. Н. Мещерякова

доктор социологических наук, доцент,
зав. кафедрой, ведущий научный сотрудник
SPIN-код: 8265-0899

О. В. Крыштановская

доктор социологических наук,
директор Научного центра
SPIN-код: 5881-9789

Вклад авторов:

Н. Н. Мещерякова – 60% (концепция, подготовка общетеоретической основы, участие в написании всех разделов статьи).

О. В. Крыштановская – 40% (подготовка методологического раздела, участие в написании всех разделов статьи).

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 20.02.2025; одобрена после рецензирования 25.03.2025; принята к публикации 10.04.2025.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.2.2

PERCEPTION OF WEALTH IN RUSSIA: STEREOTYPES AND REALITY

Nataliya Nikolaevna Meshcheryakova¹

Olga Viktorovna Kryshtanovskaya²

^{1, 2} Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia,

¹ natalia.tib@mail.ru,

ORCID 0000-0001-7658-7993

² olgakrysht@yandex.ru,

ORCID 0000-0001-5278-0940

For citation: Meshcheryakova N. N., Kryshtanovskaya O. V. Perception of wealth in Russia: stereotypes and reality. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(2):28–44. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2025.13.2.2.

Abstract. The presented article analyzes the opinions of three generations of Russians about wealth as a value. The conclusions are based on the data of a qualitative study conducted by the focus group method (21 groups, 205 respondents) in 2023 in seven cities of the Russian Federation. The findings suggest that the historical and social context of the development of Russian society has not contributed to the legitimization of wealth and wealthy people. This was prevented by the discontinuity of Russia's historical path, two fundamental changes in the social order in 1917 and 1991. Modern large fortunes have a short history. Society believes that the ways of their formation in the 1990s were dishonest, associated with abuse, corruption and criminality. Collective consciousness refuses to recognise the inheritance of these states as a legitimate way of acquiring high social status. Respondents believe that an honest path to enrichment should be associated with exceptional talent and selfless labour for the benefit of society. However, the components of a rich lifestyle (quality paid medicine, foreign travel) attract respondents.

Keywords: wealth, values, mobility, demonetization, legitimisation, Russia

REFERENCES

1. Bourdieu P. On the state: lectures at the Collège de France, 1989–1992. Moscow: Izdatel'skiĭ dom "Delo" RANXiGS; 2016. 720 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7749-1191-2.
2. Meshcheryakova N. N. Features of anomie in modern Russian society: synergetic approach: speciality 22.00.01: abstract of the dissertation for the degree of Doctor of sociological sciences. Moscow, 2015. 46 p. (In Russ.).
3. Kryshchanovskaya O. V. Has-Beens: trends of downward mobility of the Russian elite. *Social sciences and modernity=Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2003;(5):33–39. (In Russ.).
4. Kryshchanovskaya O., White S. The formation of Russia's network directorate. In: *Russia as a network state: what works in Russia when state institutions do not?* London: Palgrave Macmillan; 2011. P. 19–38. DOI [10.1057/9780230306707_2](https://doi.org/10.1057/9780230306707_2).
5. Schimpfoss E. Rich Russians: from oligarchs to bourgeoisie. Moscow: Individuum; 2022. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6048006-6-9.
6. Veblen T. The theory of the leisure class. Moscow: Izdatel'stvo AST; 2021. 384 p. (In Russ.). ISBN 978-5-17-135295-0.
7. Weber M. Selected. Protestant ethics and the spirit of capitalism. 4th edition. Moscow; St. Petersburg: Centr gumanitarny'x iniciativ; 2017. 656 p. (In Russ.). ISBN 978-5-98712-801-5.
8. Huizinga J. The autumn of the middle ages. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbaxa; 2011. 786 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89059-166-1.
9. Mauss M. Essay about the gift. The form and basis of exchange in archaic societies. In: *Societies. Exchange. Personality. Works on social anthropology*. Ed. by A. B. Gofman. Moscow: KDU Publ.; 2011. P. 134–285. (In Russ.). ISBN 978-5-98227-695-7.
10. Kordonsky S. G. Power markets: administrative markets of the USSR and Russia. Moscow: OGI; 2006. 238 p. (In Russ.). ISBN 5-94282-359-6.
11. Bourdieu P. Social space and symbolic power. *THESIS*. 1993;(2):137–150. (In Russ.).
12. Beeghley L. The structure of social stratification in the United States. 5-th edition. New York: Routledge; 2016. 320 p.
13. Gilbert D. The american class structure in an age of growing inequality. 6-th edition. Wadsworth Publishing; 2002. 336 p.
14. Kordonsky S. G., Dehant D. K., Molyarenko O. A. The estate components of russia's contemporary social structure: a hypothetico-deductive analysis and modeling attempt.

- Universe of Russia. Sociology. Ethnology*=*Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*. 2012;21(2):62–102. (In Russ.).
15. Kryshtanovskaya O. Rich and poor in post-communist Russia. *The Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 1994;10(1):3–24. DOI [10.1080/13523279408415244](https://doi.org/10.1080/13523279408415244).
 16. Gorshkov M. K. [et al.] The new social reality of Russia. The rich. The poor. The middle class. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tihonova. Moscow: Nauka; 2004. 259 p. (In Russ.). ISBN 5-02-032849-9.
 17. Whorf B. L. Language, thought and reality: selected writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. John B. Carroll. Publisher: The MIT Press; 1964. 278 p.
 18. Kryshtanovskaya O. V., Meshcheryakova N. N. The rich, the poor & fair inequality. *Politeia*=*Politiya*. 2024;3(114):172–190. (In Russ.). DOI [10.30570/2078-5089-2024-114-3-172-190](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2024-114-3-172-190).
 19. Tikhonova N. E. Subjective stratification of Russian society model and its dynamic. *The Russian public opinion herald. Data. Analysis. Discussions*=*Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2018;1-2(126):17–29. (In Russ.).
 20. Boltanski L., Thevenot L. Criticism and justification of justice. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2013. 576 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4448-0079-9.
 21. Mareeva S. V. Monetary and non-monetary inequalities in modern Russian society: dynamics of the recent decade. *Sociological Studies*=*Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2024;(9):3–16. (In Russ.). DOI [10.31857/S0132162524090012](https://doi.org/10.31857/S0132162524090012).
 22. Urry J. Mobility. Moscow: Izdatel'skaya i konsaltingovaya gruppa Praxis; 2012. 576 p. (In Russ.). ISBN 978-5-901574-98-0.
 23. MacCannell D. The tourist: a new theory of the leisure class. New York: Schocken Books Inc.; 1976. 214 p.
 24. Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. Chichester: John Wiley; 1997. 256 p.
 25. Kuo L. China bans 23m from buying travel tickets as part of 'social credit' system. The Guardian. 01.03.2019. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/01/china-bans-23m-discredited-citizens-from-buying-travel-tickets-social-credit-system> (accessed: 10.01.2025).
 26. Romanov P. V. Russia and the West on the swings of history. V. 2. Moscow: Amfora; 2010. 541 p. (In Russ.). ISBN 978-5-367-01252-1.
 27. Durkheim E. The elementary forms of religious life: the totemic system in Australia. Moscow: E'lementarny'e formy'; 2018. 808 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9500244-3-6.

Information about the Authors

N. N. Meshcheryakova

Doctor of Sociology,
Head of the Department, Leading Researcher
ResearcherID: [O-1827-2015](https://orcid.org/0000-0001-8272-2015)
Scopus AuthorID: [57204495035](https://orcid.org/57204495035)

O. V. Kryshtanovskaya

Doctor of Sociology,
Director of Scientific Center
ResearcherID: [GLQ-7604-2022](https://orcid.org/GLQ-7604-2022)
Scopus AuthorID: [57215284957](https://orcid.org/57215284957)

Contribution of the authors:

N. N. Meshcheryakova – 60% (concept, preparation of the general theoretical basis, participation in writing all sections of the article).

O. V. Kryshtanovskaya – 40% (preparation of the methodological section, participation in writing all sections of the article).

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 20.02.2025; approved after reviewing 25.03.2025; accepted for publication 10.04.2025.